

Рига–«невеста» в балтийских завоеваниях Петра I

Мария Сморжевских-Смирнова

To cite this article: Мария Сморжевских-Смирнова (2010) Рига–«невеста» в балтийских завоеваниях Петра I, Scando-Slavica, 56:2, 251-268, DOI: [10.1080/00806765.2010.530805](https://doi.org/10.1080/00806765.2010.530805)

To link to this article: <https://doi.org/10.1080/00806765.2010.530805>

Published online: 02 Dec 2010.

Submit your article to this journal [↗](#)

Article views: 60

View related articles [↗](#)

Рига—«невеста» в балтийских завоеваниях Петра I

Мария Сморжевских-Смирнова

*Department of Cultural Theory, Estonian Institute of Humanities, Tallinn University,
Tallinn, Estonia. maria.smorzhevskih@gmail.com*

Abstract

Maria Smorzhevskih-Smirnova: Riga as a “Bride” in Peter I’s Baltic Conquests

It is 300 years in 2010 since Peter the Great occupied Riga, the capital of Swedish Livonia. This victory was especially important for the tsar, as Russia became the new major power in the Baltic region after the victory at Poltava. As often happened in Petrine official culture, the victory at Riga was soon represented at a panegyric level. In their letters Peter’s friends and subordinates congratulated him on the occupation of Riga as on a “wedding”, in which Riga is represented as Peter’s “bride”. Peter’s correspondence between July and October 1710 very well reflects the ideological representations of Peter’s conquests during the Great Northern War. The first part of this article analyzes the forms of description of the victory at Riga in Petrine correspondence. The second part is dedicated to examining the sources of the wedding allegories in the ideological representations that were directly connected with Riga in 1710.

Keywords: Great Northern War, Riga, Peter the Great, Livonia, Sheremetev, devicta.

0. Введение

Осенью 1709 г., после триумфальной победы Петра I под Полтавой, театр военных действий снова переместился в Прибалтику. Взятие Риги должно было открыть военную кампанию в Лифляндии и Эстляндии, где оставались еще шведские города: Дюнамюнде, Пернов и Ревель.¹

¹ Первыми крупными победами Петра в Лифляндии и Эстляндии были взятие Дерпта и Нарвы в июле и августе 1704 г. Осенью 1709 г. между Россией, Саксонией и Данией был подписан новый союзный договор, по которому Россия должна была возобновить военные действия в Прибалтике, Польше и Финляндии (Соловьев 1993: XV, 274). С июня по сентябрь 1710 г. русскими войсками были взяты семь прибалтийских крепостей: Выборг, Эльбинг, Рига, Дюнамюнде, Пернов, Кексгольм, Ревель.

Осада Риги в кампании 1709–1710 гг. оказалась самой сложной и продолжительной. Сначала планировалось брать город штурмом, и в ноябре 1709 г. сам Петр открыл бомбардировку города, о чем в реляции сообщалось: «ис поставленных трех мучеников изволил сначала сам Его Величество бомбардировать» (*Книга Марсова 1766*, 102).² Вскоре, однако, царь решил, что «формальная атака» Риги будет стоить больших жертв, и отдал приказ фельдмаршалу Б.П. Шереметеву приступить к блокаде города. Осада длилась 8 месяцев, и 4-го июля 1710 г. была подписана капитуляция рижского гарнизона (*Книга Марсова 1766*, 97–128).

Как и в случае со всеми военными предприятиями Петра, осада и сдача Риги нашли отражение не только в официальных реляциях и указах того времени, но и в активной переписке государя с его друзьями и подчиненными. И хотя Рижскому взятию предшествовала не менее значимая в стратегическом плане победа в Финляндии, а именно, взятие Выборга 13 июня 1710 г., капитуляция Риги нашла куда более яркий и оживленный отклик в переписке с царем. Корреспонденты Петра не просто дают прямую оценку победе и обсуждают ее результаты. Они описывают взятие Риги иносказательно, выстраивая в своих письмах целый ряд ярких аллегорических образов, объединенных свадебной темой: Петр I предстает в образе жениха, а Рига — в образе девицы-невесты.

Взятие города-девы завоевателем-женихом — известный древний сюжет, неоднократно привлекавший внимание исследователей. Образ города-девы, восходящий к библейским источникам и его «мифопоэтические аспекты» являлись уже предметом подробного анализа в работе В. Н. Топорова «Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте» (См.: Топоров 1987). В историческом контексте развитие этого образа проследила М.Б. Плюханова, обратившись к анализу «Казанской истории» и посвятив сюжету «взятие города как брак» отдельную главу своей книги «Сюжеты и символы Московского царства» (Плюханова 1995, 190–199).

² Описание Рижского взятия приводится нами по «Книге Марсовой» — собранию реляций периода Северной войны. Работа над книгой началась в 1713 г. Книга, однако, так и не была завершена: она все время дополнялась и видоизменялась. Кроме реляций, в «Книгу Марсову» вошли также планы взятых крепостей и гравюры с изображением фейерверков в честь Петровских побед.

Рижский свадебный сюжет интересен не только тем, что в ряду аналогичных сюжетов еще не был описан, но и тем, что среди явлений официальной культуры Петровского времени он уникален. Как правило, сам Петр всегда моментально придумывает девиз к событию, который и становится основой для дальнейшего осмысления и развития в панегириках и торжествах.³ В случае же с Ригой репрезентация сюжета в официальной культуре с самого начала принадлежит подданным. Более того, в июле 1710 г. сюжет этот становится центром, вокруг которого формируется целый цикл дополнительных сюжетов и, вслед за ними, новых интерпретаций, связанных со взятием Риги.⁴

1.1. Исходный сюжет

Первое письмо о Рижской победе было отправлено Петру Б.П.Шереметевым, который с самого начала руководил осадой города и затем принимал его капитуляцию. Этот рапорт не сохранился, но сохранилось ответное письмо Петра от 8 июля 1710 г. Шереметеву царь сообщал: «письмо ваше о сдаче Риги я с великою радостью получил (и завтра будем публично триумфовать)» (*ПБПВ X, 222*). Здесь же Петр благодарил фельдмаршала за труды, «взаемно» поздравлял и просил «объявить сие поздравление всем» (*ПБПВ X, 222*). На следующий день Петр сообщал о капитуляции Риги первым лицам государства и друзьям:⁵

Вчерашнего числа получена от господина генерал-фельдмаршала Шереметева ведомость, что рижской генерал-губернатор Сштремберх

³ Характерный пример здесь — известный каламбур Петра из писем о взятии Нотебурга — «зело жесток сей орех был, однако, слава Богу, разгрызли» (*ПБПВ II, 94*), а также переименование Петром этой крепости в Шлиссельбург (из Орехогорода в Ключ-город). Новое название указывало на стратегическое значение крепости, открывавшей путь Петра к Балтике, и было сразу же обыграно в официальных торжествах (Погосян 2001, 53; Зелов 2002, 103). Слова Петра об орехе и новое название города получили развитие также в проповедях, где Шлиссельбург был представлен и в качестве разгрызанного ореха, и в качестве ключа апостола Петра от райских врат.

⁴ Автор статьи выражает искреннюю благодарность С. И. Николаеву за внимание, проявленное к настоящему исследованию и плодотворную дискуссию в процессе написания статьи.

⁵ В числе получателей этого письма значились все первые лица государства (царицы, царевны, губернаторы), а также друзья Петра.

вышереченной город купно с цитаделью на окорт отдал. А что во оном артиллерии, амуниции и прочего получено, о том за краткостию времени объявить не успел [...]. И тако сей славны и крепки город с малым уроном чрез Божию помощь от неприятеля взят. И сим поздравляем. (ПБПВ X, 223)

Письмо Петра было отправлено одновременно пятидесяти адресатам, и почти сразу последовали ответные поздравления царю.

Но кроме переписки Петра взятие Риги обсуждалось и в переписке близкого окружения царя. В этих письмах и появляется исходный сюжет, который в итоге в доработанном виде был представлен Петру. «Первоисточником» сюжета стало письмо Шереметева Московскому губернатору Т.И.Стрешневу. О Рижской победе фельдмаршал так сообщал в Москву:

Сего июля 4-го числа милостию всемогущего Бога и предстательством Пречистыя Его Матери, молитвой и особом щастием премудраго и премилостивейшаго нашего царя и Государя, княжества Лифлянского сия провинция, столичный город Рига которая [здесь и далее курсив мой, М.С.] никогда никоторыма способами взята не бывала, и называется во всей Европе девицею нерушимою, с которой мне, сироте, Бог благоволил обручиться и взять в невесту на честный окорд и сию викторию милости вашей поздравляю. (ЧОИДР 1861, I, 205)

Рига, как мы видим, уподоблена «девице нерушимой», а сам Шереметев выступает в роли жениха, который приводит невесту-Ригу к честному браку. Новый виток развития свадебная тематика получала уже у Курбатова, в его письме с поздравлениями Петру.

1.2. Рига — «невеста» Петра

19 сентября 1710 г. очень близкое к Б.П. Шереметеву лицо, «прибыльщик» Алексей Курбатов,⁶ отправил Петру подробное, переполненное

⁶ Алексей Курбатов был крепостным слугой Б.П. Шереметева и сопровождал его в Великом посольстве. По возвращении из Европы, Курбатов прославился тем, что предложил Петру ввести в оборот гербовую бумагу, принесшую в государственную казну огромный доход. В 1705 г. он был назначен обер-инспектором Ратуши и с этого времени осуществлял финансовое управление России.

эмоциями письмо. В ряду пышных поздравлений Курбатов так характеризовал только что завоеванный город: «оный преславноцветущий во Еуропии град, яко дева, никим же рушимая, цвет своего девства подверже под ваши царские нозе». В конце письма, желая Петру новых побед, он резюмировал: «[...] дарует всемошество Божие оную преукрашенную во Еуропии славою деву нерушимую со другими грады имети в потомочных веки под скипетродержавною вашею десницею [...]» (ПБПВ X, 648).⁷ В послании Курбатова очевидна «подмена»: Рига здесь, как и в письме Шереметева, — дева, с той существенной разницей, однако, что женихом ее оказывается не фельдмаршал, а Петр.

О взятии Риги как о вступлении царя с городом в брачный союз пишет в своем поздравлении и давний друг царя Андрей Виниус:⁸ «от всея крепости души моя желаю, дабы она преславная во Еуропе порта к высокой власти вашего величества присно и неоторванна была присовокупленна» (ПБПВ X, 649). Виниус использует здесь метафору («присно и неоторванна была присовокупленна»), которая проецируется на библейское представление о браке: «Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей и будета оба в плоть едину» (Матф. 19,5). Этот стих, многократно повторяемый в чине венчания, вне сомнения, был на слуху у царя.⁹ Показательно и название завоеванной Риги в тексте Виниуса: «она преславная порта». Слово «порт» в переписке того времени не имеет четкой грамматической категории рода, поскольку употребляется, как правило, в форме множественного числа — «порты»: «выход ис порт», «мимо дацких

⁷ Полный текст поздравительного послания Курбатова от начала и до конца написан предельно высоким слогом. Письмо максимально приближено к стилистике церковного панегирического слова тех лет, в нем в изобилии присутствуют стилистические украшения, сложные метафоры, повторы, восклицания и риторические формулы, характерные для ораторского богословия.

⁸ Виниус долгое время заведовал почтой, которая шла через Ригу в Россию, переводил для государя европейскую корреспонденцию и состоял в «кумпании» Петра. Он же был одним из ранних корреспондентов Петра: уже с 1694 г. Виниус состоял с царем в оживленной переписке, «столько же деловой по содержанию, сколько и дружественной со стороны царя по тону» (Богословский 1948, 200). Исключением здесь является период с 1703 по 1708 г., когда Виниус, обвиненный в хищениях, был отстранен от государственных дел и бежал за границу. В 1708 г. он был прощен Петром и вернул к себе расположение государя.

⁹ Стих (Быт. 2,24; Матф. 19,5; Мар. 10, 7–8; 1 Кор. 6,16; Еф. 5,31) звучит в молитве, предворяющей возложение венцов, и в молитвословиях, которые совершаются после возложения венцов на брачующихся (См.: Треник 1708, Библия 1663).

порт» (ПБПВ X, 481–482), «в котором городе при портах» (ПБПВ XI:1, 111) и т.д. Виниус использует это слово в форме единственного числа, что сразу же проясняет категорию рода. Так появляется женский род в местоимениях и эпитетах («оная», «преславная») и в самом определении завоеванной Риги — «порта». Даже начало пожелания Петру — это подборка слов в формах женского рода — «от всея крепости души мояя». Причем «крепость» здесь — это, конечно, не только сила души, но и крепость-Рига.

1.3. «Вместо про патрие пропала Рига»...

Если вспомнить исходное сообщение Петра, то о самой Риге там нигде не говорится в формах женского рода («И тако сей славны и крепки город с малым уроном чрез Божию помощь от неприятеля взят»). Даже название Рига не появляется, — Петром лишь упомянут «рижской генерал-губернатор Сштремберх». Однако общий для всех 50-ти адресатов текст в письме к Андрею Виниусу был дополнен такими строками: «И тако уже то пророческое слово за 10 лет, что вместо про патрие пропала Рига, ныне збылось, которым добрым случаем вам поздравляем» (ПБПВ X, 225). Т.е. Петр напоминает Виниусу о 1700-м годе и о каком-то пророчестве того времени. И хотя в письмах Петра нам не удалось найти прямых указаний на это загадочное «пророчество», можно предположить, что фраза Петра отсылает к событиям осени 1700 г.

Тогда русская армия, только начав воевать со шведами, была полностью разгромлена под Нарвой. При европейских дворах циркулировали разговоры о полном и окончательном поражении России. Еще ранее, в 1700 г., весной, потерпели поражение под Ригой войска союзника Петра — Августа II.

Возможно, слова «про патрие» показывают патриотическое настроение рижан, в котором они пребывали «за десять лет», т.е. в начале Северной войны, и Петр реконструирует то, что рижане думали о себе в 1700 г. Показательно, что слова «про патрие» написаны кириллицей, хотя обычно латинские выражения, так же как и иностранные имена и титулы царь пишет латиницей.¹⁰ Кириллическое написание указывает на определенный семантический сдвиг: «про патрие» потому, что сменился

¹⁰ «Monsieur», «Grot Vader», «Sire», «Kenich» (Ф. Ю. Ромодановскому, А. В. Кикину и др.)

тот, кто теперь говорит этот девиз. Теперь «про патрию» — должна восклицать Россия, для Риги же осталось одно определение «пропала».

Вместе с тем, слова царя могут являться и отсылкой к известной филигранной «Pro Patria», изображавшей девицу-Минерву, сидящую на крепости рядом с коронованным львом (см. рис. 1).¹¹ В 1710 г. эта филигрань занимает отдельное место в переписке Петра: она появляется исключительно на тех письмах, которые отправлены царю из Прибалтики. Во всех остальных случаях используется бумага с филигранью «герба Амстердама»

(она самая распространенная) и «голова шута» (Кабинет Петра Великого 1710). Такая особенность «прибалтийских» писем не могла ускользнуть от Петра: письма просматривались на свет, поскольку проверялось не только наличие филиграней, но и симпатических (т.е. невидимых) чернил, которыми иногда писал и Петр.¹² Само содержание филигранной «Pro Patria» в контексте взятия Риги оказывалось также

Рис. 1. Филигрань «Pro patria»

символическим: лев знаменовал собою Швецию, а девица-минерва подле него — шведскую Ригу, которая «пропала», потому что капитулировала. В ряду этих аналогий особое значение обрело и изображение, помещавшееся с XIV в. на гербе города Риги: под двумя скрещенными ключами здесь была изображена крепость, охраняемая львом (т.е. изображенное на гербе прямо соотносилось с изображением

¹¹ Начиная с XVII в. в России была популярна дорогая голландская бумага для письма с различными филигранями (Лихачев 1891, 79. Рис. 1, 2 из: Лихачев 1891, 254, 252). Исследователи указывают, что в петровских документах и письмах поначалу используется филигрань с гербом Амстердама, которая впоследствии «уступает место знаку «Pro Patria» (Лихачев 1891, 80).

¹² Царь вообще любил прибегать ко всякого рода ребусам и шифрованию, даже тогда, когда не было прямой угрозы перехвата государевой почты. Показательно в этой связи, что во время Великого посольства 1696–1697 гг. именно Виниус разрабатывал для Петра формулы симпатических чернил. Он же был одним из первых адресатов, кому Петр писал тайнописью из Риги.

на филигрании). Следует отметить в этой связи, что Виниус долгое время заведовал почтой, которая шла через Ригу в Россию; в Риге он переводил для государя европейскую корреспонденцию и, конечно, прекрасно разбирался в филиграниях. Виниус поэтому не только распознал намек Петра (филигрань, и, очевидно, сюжет герба), но и остроумно обыграл этот намек в своем письме.

Ответное письмо Андрей Виниус пишет на бумаге с филигранью «герб Амстердама». На этой филигрании (она прекрасно просматривается сквозь буквы и, как и прочие филигрании, занимает центральную часть листа) изображены два льва, поднимающие корону

Рис. 2. Филигрань «Герб Амстердама»

— такая «небрежность», несомненно, является здесь намеренной. Как представляется, перевернутая филигрань должна была напомнить о недавнем фейерверке, разработанном Петром и прошедшем в Москве 1 января 1710 г. Фейерверк посвящался Полтавской победе. Один из его сюжетов представлял подвешенного «цепью над табуретом с дорогой подушкой» льва, с подписью: «Да знает правительствовати» (Зелов 2002, 106). Главным же действием фейерверка была сцена, описанная Петром в пояснении к гравюре: к двум колоннам, символизировавшим Польшу и Россию подбирался лев. Он «являл армию шведскую» (ПБПВ IX, 10). Лев приближался к польскому столбу, нагнув его лапой и «являя победу над тем государством», затем направлялся к столбу с короною, «являющей государство российское [...] с намерением таким же» (ПБПВ IX, 10). После этого «явился орел для защищения оногo столпа,

(см.: рис. 2). Однако и лист бумаги и, соответственно, филигрань перевернуты Виниусом таким образом, что львы повисают вниз головами, подняв нижние лапы вверх. Перевернутая корона также оказывается в нижней части листа.

Поскольку в обращении с письмами к царю Виниус всегда аккуратен, — все в его письмах от почерка до бумаги выглядит образцово,

являющий армию российскую, и оного льва перуном [...] разшиб с великим громом» (ПБПВ IX, 10).¹³ И хотя перунов под рукой у Виниуса не было, опрокинуть столб с львовой короной (которая, в этот момент становилась шведской) и «подвесить» льва он все-таки мог. Аналогия была тем более очевидной, что на филигрании «герб Амстердама» флаг, увенчанный короной, напоминает массивную колонну с венцом.

Напомним, что в конце 1690-х гг. именно Виниус был идеологом первых петровских триумфов: ему Петр поручил организацию триумфального шествия русских войск в Москву после Азовской победы. Вернувшись в Россию в 1708 г., Виниус не только переводил книги по военному делу и технике, но и составлял для Петра трактат о фейерверках. Как опытный «постановщик» торжеств Виниус блестяще владел эмблематическим языком своей эпохи, и, явно желая угодить Петру, он с легкостью превратил свое послание на бумаге в целое триумфальное действие.

1.4. История с «рижским инцидентом»

В переписке Петра с Виниусом Рига возникает неоднократно. Здесь можно вспомнить о письмах из Риги симпатическими чернилами в 1700 г. Не возникает сомнений, что Петр готов обсуждать с Виниусом взятие Риги, когда только ему пишет о «пророческом слове». Виниус, однако, в отличие от Курбатова, нигде не говорит прямо о Риге-деве. Отсутствие прямых формулировок о свадьбе у Виниуса и их появление в письме Курбатова объясняется отношением к Риге Петра в разное время.

Виниус поздравляет Петра в июле. Петр в это время, хотя и радуется победе, ни на минуту не забывает об оскорблениях, которые Рига в лице своего коменданта Далберга нанесла ему в 1696 г. во время первого знакомства с городом. Великое посольство столкнулось тогда с многочисленными «грубостями», «обидами» и «афронтом», которые вошли в историю как знаменитый «рижский инцидент» (Шафиров 1717,

¹³ Как указывает Юст Юль, сюжет этот был заимствован Петром с рисунка одной шведской медали, где был изображен лев, сокрушавший два, увенчанных коронами столба — Россию и Польшу (Юль 1892, 62).

77–83).¹⁴ О том, что Петр не забыл давних рижских обид, свидетельствует и его письмо Шереметеву, отправленное 13 июля 1710 г.:

Что же пишете, ваша милость, о Риге, что она малым лутче Полтавы, правда, вам веселее на нее глядеть как нам было за 13 лет, ибо ныне они у вас, а тогда мы у них были за караулом. (*ПБПВ X*, 229)

Неудивительно поэтому, что даже после падения Риги Петр планирует взять дополнительный реванш: он намеренно нарушает условия капитуляции рижского гарнизона «в воздаяние их недодержанного акорду и поролю» за все время войны (т.е. в отместку за все нарушенные шведами договоры,¹⁵ *ПБПВ X*, 681–682). В июле, когда Петр разрабатывает коварный план отмщения рижанам, его больше заботит месть, и Виниус в самом начале своего письма вторит настроениям Петра:

благословен Господь Вседержитель, иже правосудне подлейших легче тех гордых рижан, сущих врагов ваших государстих, предал в руце ваши монаршия, кто в гордости вознесенных град вашему величеству покори. (*Каб. Петра Вел. 1710*, 97)

Курбатов же пишет Петру в сентябре. Он продолжает мысль Виниуса о «присовокуплении» Риги и использует аллегорию Шереметева о невесте. К этому времени рижский комендант, все шведские офицеры, а с ними «половина здоровых салдат», согласно официальной декларации Петра, уже «удержаны» в русском плену (*ПБПВ X*, 682). «Воздаяние» уже состоялось, и Курбатов совершенно своевременно поздравляет Петра именно с покоренной девой-Ригой, бросившей в ноги царю «цвет своего девства».

¹⁴ В 1696 г. Великое посольство, в составе которого «инкогнито» путешествовал и сам Петр I, встретило в Риге неожиданные препятствия: генерал-губернатор Далберг, угрожая оружием, не допустил русских осмотреть городские укрепления, а квартиры послам выделил за чертой города. Петр был уязвлен, о чем сообщал в своих письмах (*ПБПВ I*, 145). В официальном трактате о причинах Северной войны, составленном П. Шафировом (редактировал трактат сам Петр), рижский инцидент был описан как одна из основных причин начала войны против Швеции (Шафиров 1717, 77).

¹⁵ Петр приводит длинный список таких нарушений со стороны шведов (*ПБПВ X*, 681–682).

Виниус не идет по пути прямого уподобления Риги невесте, т.к. его письмо — отклик на слова и июльские настроения Петра. Тем не менее, Виниус развивает мысль царя о пророчестве, прозрачно намекая на то, что Рига все-таки не пропала, а обрела наконец-то истинного обладателя. То, что в письме Виниуса было проговорено на языке намека, вскоре осуществилось на деле: вопреки возобновленному в 1709 г. союзному договору, Лифляндия, отвоеванная у шведов, не была возвращена Польше и Августу II. Она стала «военным трофеем» Петра I.¹⁶

План относительно будущего Лифляндии был, конечно, изначально ясен царю, но летом 1710 г. Петр, как и в другие ответственные моменты, готов обсуждать это судьбоносное политическое решение с подданными. Подданные, в свою очередь, готовы продемонстрировать Петру свою политическую интуицию.

2.1. Источники свадебного сюжета: свадьба Флемминга и посвящение «Riga — devicta»

Почему все-таки разные адресаты Петра так последовательно разрабатывают именно свадебный сюжет?

Одним из возможных объяснений может быть история первого рижского невзятия. В 1700 г. Рига не была взята союзником Петра из-за свадьбы саксонского генерала Флемминга. Согласно разработанному плану, его войска должны были внезапно напасть на Ригу. Однако в самый ответственный момент осады Флемминг отправился в Саксонию на собственную свадьбу: он вступал в брак со знатной полькой. Нужный момент был упущен, и из-за «Венусова [т.е. венериного, М. С.] веселия», как писал Петру в тот момент Головин, операция под Ригой была провалена. Петр и его корреспонденты активно обсуждают эту историю в 1700 году, на что указывает переписка Петра с канцлером Головиным (ПБПВ I, 334). В 1710 г. Петр и Виниус, конечно, тоже вспоминают о свадьбе Флемминга: Рига, которую не взял «в невесты» Флемминг (ведь

¹⁶ Так, уже в ноябре 1711 г. на запрос о судьбе Лифляндии польского посланника епископа К. Шембека («Понеже его Царского Величества к возвращению провинции Лифляндской Речи Посполитой обязался, того ради надлежит [...] дабы о том царское величество надлежащее определение учинил и всему свету сказал, что он готов все, к чему он трактатами обязался, исполнить») Петр уклончиво отвечал: «Во время сей войны с шведом для общаго безопасения Лифляндии уступить не можно, но надлежит то до учинения мира отложить» (ПБПВ XI:2, 230).

он не к той «невесте» направился, и не тот «брак» заключил) дождалась истинного жениха.

Свадьба Флемминга могла быть исходной точкой и в построении шереметевской аллегии. Фельдмаршал, довольный собой, прекрасно осознавал: благодаря «несвоевременной» свадьбе саксонского генерала как покоритель Риги теперь прославился именно он, Шереметев. Именно Шереметеву, а не Флеммингу суждено было совершить и «триумфальное вшествие» в завоеванный город. Это событие, возможно, также стало импульсом для создания образа Риги.

Спустя несколько дней по капитуляции Риги, состоялся торжественный въезд Шереметева в город, «рижской магистрат, при отдаении комплимента, поднесли на подушке бархатной 2 ключа золотые» (*Книга Марсова* 1766, 129). На ключах, изготовленных специально к этому дню и поднесенных фельдмаршалу, была выгравирована следующая надпись по-латыни: «Riga devicta a supremo totius Russiae campri praefecto Com.Boris Scheremeteff, equite ordin.Malth., S.Apostol. Andreae et cet. Anno Salutis MDCCX die 12/24 Juli». В переводе она означала: «Рига, покоренная главнокомандующим Всероссийскою армиею Графом Борисом Шереметевым, Орденов Мальтийского и св. Апостола Андрея кавалером и проч. от Р. X. 1710 г. Июля 12/24 дня» (*Бантыш-Каменский* 1836, 309).¹⁷

«Рига покоренная» или «Riga devicta» трансформировалась в то, что мы находим в письме Шереметева, — в «Ригу-девицу». Игра со схожим звучанием слов, характерная для писем царя и его корреспондентов, рождала красивую аллегию: Рига — «девица нерушимая» — стала «Ригой покоренной».¹⁸

2.2. История Марты Скваронской

В свадебном сюжете рижского взятия, очевидно, присутствовал еще один подтекст, на который могли намекать корреспонденты Петра. Это

¹⁷ Петр оставил фельдмаршалу золотые ключи, поднесенные ему рижанами (*Бантыш-Каменский* 1836, 309–310).

¹⁸ Из множества примеров обыгрывания Петром похожих по звучанию слов, приведем слова царя, сказанные о Нарвской победе в 1704 г.: «Инова не могу писать, только что Нарву, которую четыре года нарывала ныне, слава Богу, прорвало» (*ПБПВ* III, 124).

— история «обретения» Петром Марты Скваронской, его будущей супруги Екатерины Алексеевны.

К сожалению, не сохранилось документальных сведений о жизни Екатерины I до момента ее встречи с Петром. Все, что мы знаем об этом периоде ее жизни, восходит к запискам иностранных дипломатов, посещавших Россию в царствование Петра и с жадностью собиравших истории о царской избраннице. Дипломатам оставалось полагаться, конечно, только на те слухи, которые доходили до них из третьих рук (потому как официальные сведения о появлении Екатерины в жизни царя, по понятным причинам, отсутствовали). И хотя данные записки не позволяют нам точно реконструировать события, (поскольку одни и те же сведения рознятся), их несомненная ценность в другом — они отражают взгляд современников на один из важнейших эпизодов личной жизни Петра.

Среди множества историй Екатерины, записанных иностранцами, особенный интерес представляют для нас записки датского посланника Юста Юля и Франца Вильбуа. Оба текста близки хронологически к 1710 г. Юст Юль начинает составление своих записок в Нарве, фактически параллельно началу Рижской осады, и его записки позволяют судить о том, какие слухи циркулировали о Екатерине во время взятия Риги. Рассказ Вильбуа ценен для нас тем, что в истории встречи Петра с Екатериной он упоминает Шереметева. Согласно версии Вильбуа, фельдмаршал был первым, кто воспользовался «своим правом победителя, и взял Екатерину в качестве военнопленной» прежде, чем она досталась царю (Вильбуа 1992, 142).

Итак, в сентябре 1709 г. в Нарву прибывает Юст Юль, где ожидает Петра и, кроме прочего, узнает от местных жителей,¹⁹ что будущая царица была взята русскими войсками в плен во время первых побед на территории Лифляндии, а именно, 14 июля 1704 г., когда «Дерпт достался в руки царю» (Юль 1889, 110). В этот день Екатерина венчалась со шведским капралом, и, как записывает Юст Юль:

Когда русские вступали в город (и) несчастные жители бежали от них в страхе и ужасе, Екатерина в полном подвенечном уборе попалась (на

¹⁹ Об источнике своих сведений Юст Юль пишет следующее: «Этот рассказ о (Екатерине) передавали мне в Нарве тамошние жители, хорошо ее знавшие и знакомые со всеми подробностями (ее истории)» (Юль 1889, 111).

глаза) одному русскому солдату. Увидав, что она хороша, и сообразив, что он может ее продать [...], солдат силою увел ее с собою в лагерь. Однако потом, [...] чтоб избежать зависти, а также угодить своему капитану и со временем быть произведенным в унтер-офицеры, солдат подарил ему девушку. Капитан принял ее с большою благодарностью, но (в свою очередь) захотел воспользоваться ее красотою, чтобы попасть в милость и стать угодным при дворе, и привел ее к царю, как к любителю женщин, в надежде стяжать этим подарком его милость и быть произведенным в высший чин. Царю девушка понравилась с первого взгляда, и чрез несколько дней стало известно, что она сделалась его любовницею. (Юль 1889, 111)

Т.е., согласно этой версии, Екатерина прямо из-под венца в городе Дерпт достается Петру.

Весьма характерен и рассказ Вильбуа. В своих записках Вильбуа повествует о том, что Екатерина была обвенчана со шведским солдатом, который, «был вынужден через два дня после свадьбы покинуть свою жену, чтобы уйти со своим отрядом догонять войска шведского короля» (Вильбуа 1992, 142). После отъезда мужа Екатерина осталась жить в доме пастора Глюка, где еще до свадьбы проживала «на положении служанки» (Вильбуа 1992, 142). С семейством пастора Екатерина была взята в плен. Случилось это тогда, когда войска Шереметева вошли в город Мариенбург, который «хотя и был довольно хорошо укреплен», из-за слабости гарнизона в итоге «сдался на милость победителя» (Вильбуа 1992, 142). Именно тогда, вместе с городом Мариенбургом, Б. П. Шереметеву досталась и Екатерина:

узнав, что она была служанкой, он [Шереметев, М.С.] решил взять ее себе против ее воли [...]. Таким образом, она перешла из дома господина Глюка в дом фельдмаршала Шереметева [...] это расставание, — продолжает рассказ Вильбуа, — являвшееся первой ступенькой ее возвышения, причинило ей в тот момент много огорчений. Она не только переходила из положения свободной служанки в положение крепостной у того народа, которого она не знала [...], но и, кроме того, испытывала привязанность к семье, в которой она выросла, и ей было тяжело расстаться с нею навсегда. (Вильбуа 1992, 142)

2.3. Взятие крепости — взятие Екатерины

Записки Юста Юля и Вильбуа свидетельствуют о том, что в разных рассказах о пленении Екатерины есть устойчивые элементы, которые появляются и в свадебных сюжетах о Риге: взятие крепости — это одновременно и взятие девицы, имеющей отношение к этой крепости.

При этом, в рассказе Юста Юля Екатерина — не просто девица, но невеста в подвенечном платье, а у Вильбуа — чужая жена, которая не хочет покоряться завоевателю Шереметеву и быть его «крепостной». Отсутствие точных сведений и единого мнения в вопросе о том, в каком именно городе Екатерина родилась и где была взята в плен, позволяло не только авторам депеш, но и панегиристам соотносить всю территорию Прибалтики с Екатериной.²⁰

Как представляется, благодаря аллегории Б. П. Шереметева, истории о Екатерине-невесте, взятой в Лифляндии в плен, и Екатерине, доставшейся сначала Шереметеву, а не Петру, обретали в связи со взятием Риги — первой покоренной столицы — новую актуальность. Так, летом 1710 г. особое значение для царя имеет вопрос кровного родства Екатерины с городом Ригой. Фактически сразу по капитуляции гарнизона, Петр составляет распоряжение о поиске родственников Екатерины, возможно, проживающих в городе.

Двадцать четвертого июля 1710 г., в письме генералу А. И. Репнину (который только что сменил Шереметева на посту управляющего рижским гарнизоном), Петр писал:²¹

²⁰ Так, в Ревеле (Таллинн) почти сразу по взятии города появляется ряд посвящений царской избраннице: на иконе 1711 г., написанной к первому визиту Петра I в завоеванный город, Екатерина представлена в образе своей тезоименитой святой, которая, в отличие от всех остальных персонажей иконы, смотрит прямо на зрителя. В 1718 г. в городе начинается строительство дворца и парка, посвященных Екатерине, и к этому же времени относится создание иконостаса для Преображенской церкви г. Ревеля, где икона св. Екатерины помещена в самый центр иконостаса.

²¹ Двадцать третьего июня Петр отправил Б. П. Шереметеву письмо, в котором просил его отправиться из Рижского гарнизона «в Полшу к тем войскам, которые с генералом Янусом обретаются» (ПБПВ X, 247). В этом же письме Петр велел передать все «управление в городе и над шведским гарнизоном» генералу Репнину. Интересно, что не Шереметеву, а именно Репнину, только вступившему на новый пост, Петр поручает заняться поисками родных Екатерины. Возможно, Петр намеренно не хотел поручать это деликатное задание Б. П. Шереметеву.

«Также посылаю при сем роспись именам Катерины моей сродником: ежели оныя обретаются в Риги, изволь осведомитца и писать ко мне [...] Также их детей и домашних сохранить до времени и отписать об них, есть ли они в Риге. (ПБПВ X, 253)

Как в случае с Дерптом и Мариенбургом, крепость Рига оказывалась связанной с «невестой» царя и параллель «взятие Прибалтийской крепости — взятие Екатерины» становилась весьма актуальной. Два года спустя, в год официального бракосочетания Петра I и Екатерины, Петр даже шутил по этому поводу, поздравляя супругу с годовщиной взятия другой шведской крепости — Шлиссельбурга: «Поздравляю вас сим счастливым днем, в котором русская нога в ваших землях фут взяла, и сим ключем много замков отперто» (ПРГ 1861, 85–86).²²

В панегирической культуре Петровского времени победы на новых территориях сопровождаются построением идеологии завоеваний. Сюжет с Ригой — яркий, но далеко не единственный пример такого рода. Не менее интересно строилась идеология взятия и других крепостей. Так, уже в декабре 1710 г., в Синаксаре к Полтавской службе, написанном Черниговским архиепископом Иоанном Максимовичем, появится новая дева-невеста Петра — столица Эстляндии Ревель (Максимович 1710). В своем сочинении архиепископ Иоанн пишет о Ревеле как о «чистой деве», но уже совсем другими чертами наделяет образ покоренной Петром Риги: Рига является блудницей-Вавилоном, в противоположность Ревелю — Небесному Иерусалиму и земле Богородицы. При этом, грамматические особенности названия, когда форма женского рода может стать толчком для создания параллели — город как дева — для этих сюжетов не столь релевантны. Так, Ревель-дева в сочинении архиепископа Иоанна остается в продолжение всего текста именно Ревелем, а не Ревалией, хотя *Revalia* является в тот период основным названием города, закрепленном в географических сочинениях и на картах (см., например: Ferrari 1697, 110). В каждом отдельном случае развертывание мифологического сюжета зависит не только от конкретного исторического контекста, от обстоятельств взятия той или иной крепости, но и от незначительных, казалось бы, предметных реалий; в случае с Ригой — листа с филигранью и городских ключей.

²² См. об этом подробнее: Погосян 2001, 97–98.

В настоящей публикации идеология завоеваний была рассмотрена на очень ограниченном материале, охватывающем лишь частную переписку Петра летом-осенью 1710 г. Освещению этой же темы, но с привлечением более широкого контекста автор статьи надеется посвятить дальнейший этап исследования.

Литература

- Бантыш-Каменский, Д. Н. 1836. *Словарь достопамятных людей Русской земли*. Москва.
- Библия. 1663. Москва.
- Богословский, М. М. 1948. *Петр I. Материалы для биографии*. Т. IV. [Москва]: ОГИЗ.
- Вильбуа, Франц. 1992. «Рассказы о российском дворе». *Вопросы истории* 12.
- Зелов, Дмитрий. 2002. *Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII — первой половины XVIII века. История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы*. Москва: УРСС.
- Кабинет Петра Великого. 1710. Российский государственный архив древних актов. Отд. II, кн. 11. Ф.9.
- Книга Марсова. 1766. *Книга Марсова или воинских дел от войск царского величества российских по взятии преславных фортификаций и на разных местах баталии учиненных над войски его королевского величества швейцарского*. С первого Санкт-Петербургского 1713 года издания первым тиснением напечатанная 1766. Санкт-Петербург: При морском шляхетском кадетском Корпусе.
- Лихачев, Н. П. 1891. *Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском Государстве*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- (Максимович) Иоанн, архиепископ Черниговский. 1710. *Синаксарь*. Чернигов: Свято-Троицкая Ильинская типография.
- ПБПВ. 1887–1893. *Письма и бумаги императора Петра Великого*. Санкт-Петербург: Государственная типография; 1956–1964. *Письма и бумаги императора Петра Великого*. Москва: Издательство Академии Наук СССР. Т. I–XI.
- Плюханова, М. Б. 1995. *Сюжеты и символы Московского царства*. Санкт-Петербург: Акрополь.
- Погосян, Елена. 2001. *Петр I — архитектор российской истории*. Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ».
- ПРГ. 1861. *Письма русских государей и других особ царского семейства*. Вып. I. Москва.

- Соловьев, С. М. 1993. *Сочинения в восемнадцати книгах. История России с древнейших времен*. Кн. 8. Т. 15. Москва.
- Топоров, В. Н. 1987. «Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте». *Исследования по структуре текста*. Москва, 121–132.
- Требник. 1708. Москва.
- ЧОИДР. 1861. *Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете*. Генварь–Март. Книга первая. Москва: В Университетской типографии.
- Шафиров, П. П. 1717. *Рассуждение какие законные причины его царское величество Петр I [...] к начатию войны против короля Карола XII Шведского 1700 году имел*. Санкт-Петербург.
- Юль, Юст. 1892. *Записки датского посланника при Петре Великом Юста Юля*. Русский архив. Кн. II. Москва.
- . 1899. *Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711)*. Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских, № 3. Москва: В Университетской типографии.
- Ferrari, Filippo. 1697. *Novum lexicon Geographicum*. Patavii: Jacobi de Cadorinis.